

4. Залевская А.А. Психолингвистическое портретирование лексики: опыт экспериментального исследования // Психолингвистические исследования: слово и текст. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. – С.38–46.
5. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
6. Потехина А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Э.В. Саркисова

СТРУКТУРНЫЕ ОПОРЫ ПРИ ВОСПРИЯТИИ ТЕКСТА
НА НЕЗНАКОМОМ ЯЗЫКЕ (экспериментальное исследование
на материале эсперанто)

Структурные опоры играют особую роль при понимании текста на незнакомом языке, так как обеспечивают вычленение нами верного значения и позволяют увидеть за внешней формой слов или конструкций смысл. Для проверки этой научной гипотезы мной был проведен эксперимент, испытуемыми которого стали студенты IV курса факультета ИЯ и МК ТвГУ английского отделения, изучающие либо немецкий, либо французский язык как второй иностранный. Им давались бланки, включающие следующее задание: испытуемым (далее – ии.) предлагалось найти в тексте – отрывке из поэтического произведения известного русского поэта, переведенном на язык эсперанто, – слова, которые могут помочь понять смысл текста, и надписать над ними свои реакции (предполагаемый перевод или ассоциативную реакцию на это слово). Если в ходе работы ии. догадывались, перевод какого произведения им предложен, им необходимо было написать название этого произведения на полях рядом с той строкой, при чтении которой им пришла эта мысль, и прекратить выполнение задания. Затем предлагалось перейти ко второму заданию, которое начиналось с объявления первой строки оригинала, и вновь просмотреть слова и надписать над ними перевод или ассоциации. В заключение от ии. требовалось изложить свои выводы относительно грамматической структуры языка эсперанто, к которым они пришли в процессе работы над текстом.

Ниже приводится предлагавшийся ии. текст, заимствованный с сайта, посвященного эсперанто [4: электрон. ресурс]:

La jaroj pasis. Viv' ribela
Disblovis revojn de junu
Forgesis mi pri vocho bela
Kaj bildon charman en nebul'.

En la ekzilo kaj enuo
Mi longe vivis lau okaz',
Sen la inspir' kaj amo ghua,
Sen larmoj dolchaj, sen ekstaz.

Цель эксперимента: выяснить, каким образом структурные опоры помогают при восприятии и истолковании текста на незнакомом языке, и проследить действие стратегий, которыми пользуется индивид при восприятии текста, содержащего большое количество незнакомых слов.

Группу ии. составили 11 студентов, обучающихся на IV курсе. В первом задании от них получено 120 реакций на 32 слова. Два слова не вызвали реакций ни у одного из ии.: GHUA, OKAZ' (здесь и далее ижентифицируемые ии. слова приводятся заглавными буквами, ответы ии. – строчными курсивом). Наибольшее количество реакций вызвали слова:

RIBELA (*начинается заново, рябит, rebellion, бунтарь, цвести, бурлить, бунтующий, красивый*), NEBUL (*ночью, небо, небыль, дом, туман, небесный*), LARMOJ (*тревожить, любить, вечный, слеза, глаза, der Larm*), REVOJN (*join, revolt, новый, встреча, путешествие*), SEN (*sei, как, без, меня, что*), DISBLOVIS (*невидимый, неверующий, не верь, влюбленные*).

При качественном анализе реакций отмечается обращение ии. к русскому, латинскому, греческому, немецкому, английскому и французскому языкам в поиске опор для понимания слов эсперанто.

Имеют место выделение морфем и стремление определить происхождение слова:

DISBLOVIS – *неверующий, невидимый, не верь, влюбленные*; CHARMAN – *очарованный, очаровательный, красота, красавица, красивый*.

Обнаруживаются также реакции, которые принято трактовать как ассоциации по сходству звукобуквенного комплекса:

JAROJ – *ярый, жара*; NEBUL – *небо, небыль*; EKZILO – *exist*; JUNUL – *юность, юный, шоль, jung*; LARMOJ – *der Larm, la larme*; PRI – *при*; BILDON – *bilden, blind, build*; FORGESSIS – *forget, vergessen*; SEN – *sans*.

Однако необходимо отметить, что граница между этими двумя стратегиями при выполнении первого задания представляется весьма спорной – по данным ии. реакциям не всегда можно выяснить, проводился ли ими анализ слов по морфемам с обращением к родственным словам в других языках или они воспринимали слова-стимулы как гештальты, выводящие на целостные образы знакомых слов.

Так, в реакциях *невидимый, не видишь* на слово DISBLOVIS, прослеживается действие стратегии ассоциирования по сходству звукобуквенного комплекса (DISBLOVIS), однако и. обращается не к родному языку, а к латинскому, который действительно послужил источником данного слова (лат. приставка *dis+visualis, visa, video; visible* (англ., фр. яз), но ошибочно находит не тот корень. То же можно сказать о реакции *влюбленных (встреча)* на это же слово, где и. приписал статус корня -LOV- (DISBLOVIS).

Таким образом, в сознании ии. возникали разные морфемные структуры одного и того же слова, что и объясняет пути его идентификации.

Прибегнув к анализу по непосредственно составляющим, можно проиллюстрировать сказанное выше и иерархически отобразить «деривационную историю» слова, возникающую в сознании студентов.

На рис. 1 морфемная структура слова отражена также линейно следующим образом: $W = \{Pr + (R+L)\} + Gr$, где W – слово, R – корень, L – лексический суффикс, Pr – префикс, Gr – грамматический суффикс [2].

Рис.1

Наряду с отмеченными у большинства ии. стратегиями реагирования на отдельные слова, у двоих ии. мы обнаруживаем и другие стратегии. Так, они воспринимали текст в первом задании «целиком», не занимаясь поиском опор в каждом слове. В этих случаях выделяется одно или несколько ключевых слов, которые задают картину того, что следует искать в содержании стихотворения, т.е. ии. выстраивают свой сюжет, и «переводятся» не отдельные слова, а целые строки. Так, в одном бланке при выполнении первого задания мы находим фразу «Забудь меня, прекрасная дева» рядом с третьей строкой стихотворения

творения FORGESIS MI PRI VOCHO BELA, что можно трактовать как выстраивание собственного сценария (фрейма) того, что в принципе могло бы быть в стихотворении при опоре на единственное слово BELA. Имеется и другой вариант «прочтения» этой строки: *Прости меня, прошу, ваша красота*. Задав себе такой сценарий, и. находит опоры для развития этого сюжета еще в двух строках:

FORGESIS MI PRI VOCHO BELA
 KAJ BILDON CHARMAN EN NEBUL
 EN LA EKZILO KAJ ENUO

*Прости меня, прошу, ваша красота,
 Как постройка прекрасная в небе,
 Там существует*

То, что и. явно игнорирует некоторые опоры, бросается в глаза при анализе его интерпретации последней строки приведенного отрывка, так как рядом с ней мы находим лишь одну фразу *там существует*, хотя в переводе на эсперанто слов здесь значительно больше. Кроме того, слова каждый раз получают новое «значение»: сначала EN трактуется как предлог *в*, а в следующей строке как местоименное наречие *там*; KAJ, переведенное в первом случае как *как*, вовсе никак не интерпретируется в последней строке, так как созданная и. картина происходящего этого не требует. Вслед за этим сценарием сработали ассоциации по сходству звукобуквенного комплекса, когда возникшая идея находит для своего воплощения самые различные пути (важным представляется и то, что эта интерпретация принадлежит студенту, изучающему французский язык как второй иностранный): FORGESIS – *прости*, возможно, через *forgive*; PRI – *прошу* (фр. *prier*); VOCHO – *ваша* (возможно, фр. *votre*); BELA – *красота* (фр. *belle*); BILDON – *постройка (build)*; CHARMAN – *прекрасная* (фр. *charmant*).

Выполнение второго задания начиналось с объявления первой строки оригинала текста – «Шли годы. Бурь порыв мятежный...», после чего ии. предлагалось начать работу снова, так как теперь им было известно произведение, из которого взят анализируемый ими отрывок, и некоторые из них могли дать почти полный подстрочный перевод текста. Здесь также появились различия в стратегиях поведения ии. В то время как большинство студентов действительно пытались заново осмыслить слова текста и дать фрагментарный подстрочный перевод, некоторые (2 бланка) посчитали необходимым вписать между строк текста на эсперанто русский текст в том виде, в каком они его помнят (хотя полностью текст не был воспроизведен ни одним студентом), не учитывая принципиальной невозможности полного совпадения перевода и оригинала. В этих бланках бросается в глаза игнорирование ии. формы некоторых слов эсперанто при их переводе. Например, над строками LA JAROJ PAVIS VIV' RIBELA // DISBLOVIS... появляется перевод *Шли годы. Бурь порыв // Мятежный*, из которого вполне очевидно, что ориентиром для и., знающего содержание стихотворения, является ритм. Несмотря на объявление первой строки оригинала перед началом выполнения задания, слову DISBLOVIS был приписан перевод *мятежный*. Некоторые ии. не справились со вторым заданием, что связано с тем, что они не смогли вспомнить оригинальный текст стихотворения после объявления первой строки и предпочли никак не интерпретировать текст на эсперанто. Некоторые ии. продолжили работу, пытались самостоятельно, с опорой на определенные признаки, найденные ими в тексте, понять его, давая при этом ассоциативную реакцию или предполагаемый перевод на отдельные слова, которые не получили реакций на первом этапе эксперимента. При тщательном анализе этих реакций все же обнаруживается влияние знания ии. оригинального текста стихотворения на понимание его перевода на эсперанто. Так, слово DISBLOVIS, не «переведенное» и. при выполнении

первого задания, проинтерпретировано как англ. *disturb*, этот же и. отказывается от своей реакции на слово REVOJN, данной на первом этапе эксперимента (*revolt*), и приписывает этому слову значение *reveries*, подсознательно имея в виду, что речь идет о «мечтах» (*Развевял прежние мечты*). Интересным представляется и то, что из двух вариантов перевода, данных на слово FORGESIS (*forget, forgive*), и. теперь отдает предпочтение первому (*И я забыл твой голос нежный*). Над строкой MI LONGE VIVIS LAU OKAZ', никак не проинтерпретированной на первом этапе эксперимента, теперь появляются следующие реакции: MI (*mir*) LONGE (*long*) VIVIS (*vivat*) LAU (*laufen*) – *Тянулись тихо дни мои*. Остальные ии. дали реакции на русском языке. Полностью или почти полностью первое четверостишие было воспроизведено большей частью ии. (8 бланков из 11). Интересным представляется и то, что реакции, данные в первом задании, не объединяют строки в одно целостное «произведение», в то время как реакции, данные на втором этапе эксперимента, образуют, выстраивают единый сюжет:

*Твои губы...
 Вся моя жизнь в твоих глазах.
 Они, как твоя нежная кожа,
 Они предвестники весны.*

Хотя в приведенном варианте интерпретации прослеживается явный уход от стратегии опоры на внутреннюю форму слов, в некоторых словах ии. все же увидели те ключи, которые оказались значимыми для разгадки их значений. Например, реакция *глазах*, данная на слово OKAZ', очевидно, предполагает обращение студента к латинскому или русскому языкам: *oculus* (i, m) – глаз, *ocularius* – глазной; око).

Перевод, предложенный для последней строки SEN LARMOJ DOLCHAJ, SEN EKSTAZ' (*Они предвестники весны*), кажется абсолютно непонятным. Хотя, возможно, ключевым здесь оказалось слово LARMOJ, начинающееся так же, как и английское *lark* (жаворонок), а перифраз придал данной версии поэтический, романтический оттенок.

В заключение ии. было предложено изложить выводы относительно грамматической структуры эсперанто (отметить морфологические показатели разных частей речи), к которым они пришли в процессе работы над текстом. С этим заданием достаточно успешно справились 4 ии.: указаны окончания глаголов –is (*pasis, disblovis, forgesis*), существительных –oj (*jaroj, larmoj*) и –o (*vocho, ekzilo, enuo, amo*). Двое ии. обнаружили местоимение mi, причем для одного из них оно послужило притяжательным местоимением (*моя долгая жизнь*), а для другого – личным местоимением 1-ого лица в винительном падеже (*прости меня*). Слова PRI и SEN были определены как предлоги *при* и *без* (в первом случае с опорой на русский язык при возникновении ассоциации по звукобуквенному комплексу; во втором случае с опорой на французский язык – *sans*). EN в одном бланке было воспринято как союз *and*, а в другом – как неопределенный артикль (ассоциация по звукобуквенному комплексу с английским языком, ср.: *an*). При этом второй вариант предложен студентом, изучающим французский язык как второй иностранный, что, возможно, также

послужило дополнительным стимулом для отнесения этого слова к артиклям (ср.: *un* (une) во фр. яз. – *en* на эсперанто). Внимание обращает на себя то, что влияние французского языка заставляло некоторых ии. упорно трактовать *la* как определенный артикль, хотя это входило в противоречие с предложенным же ими вариантом интерпретации *en* в качестве неопределенного артикля, что бросается в глаза в следующей строке: EN LA EKZILO KAJ ENUO, когда и. приходится отказаться от своей реакции на *en*, данной в предыдущей строке (*en nebul'*), и приписать этому слову другое значение, теперь выраженное предложением *в (В существовании...)*. Таким образом, знание нескольких языков может послужить как подсказкой при интерпретации текста на незнакомом языке или текста изучаемого языка с незнакомыми словами, так и преградой для его понимания и восприятия. Приведенный выше случай является наглядным примером подобных случаев межъязыковой интерференции, под которой понимается «изменение в структуре одного языка под влиянием другого языка» [3: электрон. ресурс]. Подобная ситуация наблюдается и при определении большинством ии. –IS как окончания, указывающего на множественное число существительных (по аналогии с английским языком): *неверующие, влюбленные (disblovis)*. Хотя некоторые ии. отклонились от этой тенденции, отдав предпочтение переводу слова FORGESIS в императивной форме (*прости, забудь*), в этом случае наблюдается проведение параллели с французским языком, в котором повелительная форма для 2-ого лица, ед. ч. образуется посредством –s. Итак, этот случай демонстрирует интерференцию между английским и французским языками. В случае интерференции происходит наложение одного языка на другой, что можно проиллюстрировать с помощью схемы (см. рис. 2).

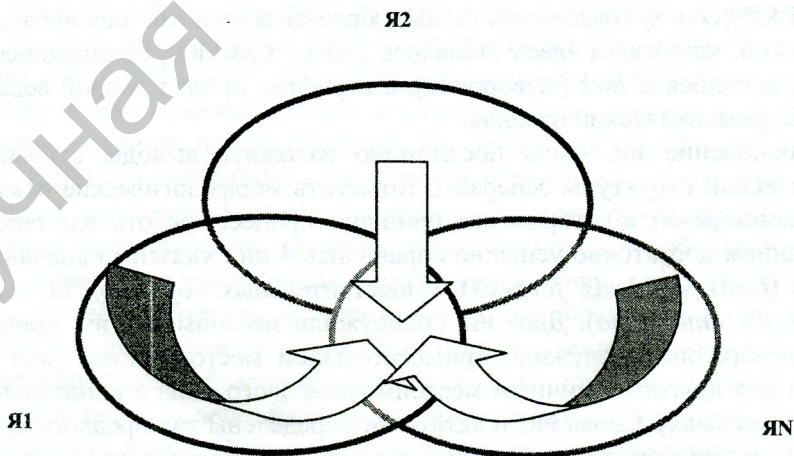

Рис. 2

Итак, по результатам проведенного эксперимента видно, что для понимания предложенного ии. стихотворения на языке эсперанто были использованы различные стратегии. Если на первом этапе ии., прибегнув к детальному анализу слов с обращением при этом к имеющемуся у них языковому знанию, пытались самостоятельно выстроить сюжет стихотворения, то на втором этапе анализ реакций, данных студентами, выдает явное игнорирование ими структурных опор, несмотря на очевидную «прозрачность» некоторых из них, так как у них уже было представление о том, что вообще может быть в тексте, диктующее им схему действий по интерпретации стихотворения: это своего рода «надстройка» на определенную схему понимания. Иными словами, изначально ии. прибегли к *индукции*, пытаясь найти какие-то «зацепки», факты, на которых и основывается предложенный ими перевод или ассоциативная реакция на слово. После предъявления первой строки оригинала они начали действовать от обратного, применяя *дедуктивный метод*, хотя некоторые из них вообще отказались от попытки найти структурные опоры в тексте, посчитав нужным лишь надписать над строками оригинальный текст в том виде, в каком они его помнят. Те же, кто не помнил оригинальную версию стихотворения, продолжали действовать по старой схеме, идя от частного к общему.

Анализ реакций, данных после объявления первой строки оригинала, не только обнаруживает использование ии. своих языковых знаний, но и делает возможным выделение других подходов к трактовке и описанию значения как достояния индивида. Речь идет об *ассоциативном* и *ситуационном* подходах, получивших большое распространение в психолингвистике. Первый из них предполагает наличие «глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе “когнитивной организации” его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» [1: 191]. Теперь ии. не только давали реакцию или предполагаемый перевод на слово, рассматривая его отдельно от контекста, а старались выстроить отношения между словами. Примеры отношений, выстроенных испытуемыми, можно показать при помощи семантических цепей, которые они выстраивали в процессе работы над текстом (см. рис. 3). На схеме (А) представлена реакция на строку *KAJ BILDON CHARMAN EN NEBUL'*, на схеме (Б) – на строку *LA JAROJ PASIS. VIV' RIBELA*. В обоих случаях очевидным становится, что одно слово было выбрано ии. как ключевое, именно оно и диктовало интерпретацию рядом стоящих слов и обусловило игнорирование их «прозрачных» внутренних форм.

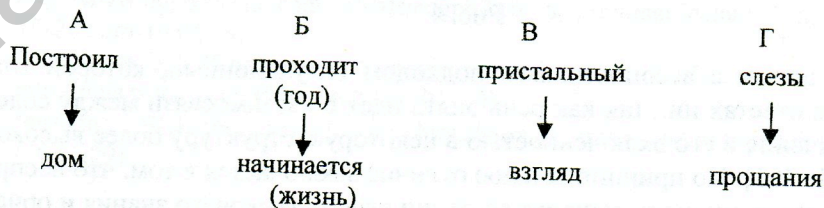

Рис.3

На рис. 4 (А) мы имеем дело с внешними ассоциативными связями, а именно с ассоциациями по смежности, когда воспринимаемое слово вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект. Эти реакции были даны на втором этапе эксперимента, когда и. довольно успешно вспомнил первое четверостишие, забыв при этом второе, вследствие чего ему пришлось домысливать содержание стихотворения, в чем ему помогло знание о том, что речь идет о «небесных чертах»; именно поэтому слово ОКАЗ', не получившее интерпретации при выполнении первого задания, теперь определяется как *глаза*, а ЕНУО, изначально понятое студентом как *единственный*, теперь определяется как *губы* без видимой на то причины. Но именно это и доказывает единство психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слова.

В случае (Б) ключевым послужило слово PASIS, получившее значение *страсть* (очевидно, на основе ассоциации по звукобуквенному комплексу – passion), которое «требует» рядом с собой таких эпитетов, как *ярый* (*jaroj*), *бунтующий* (*ribela*), *неверующий* (*disblovis*). Итак, от одного этапа эксперимента к другому меняется видение студентами сюжета стихотворения, что отражает организацию лексикона человека, характеризующегося такими свойствами, как заданность, узнаваемость и автоматическая воспроизводимость.

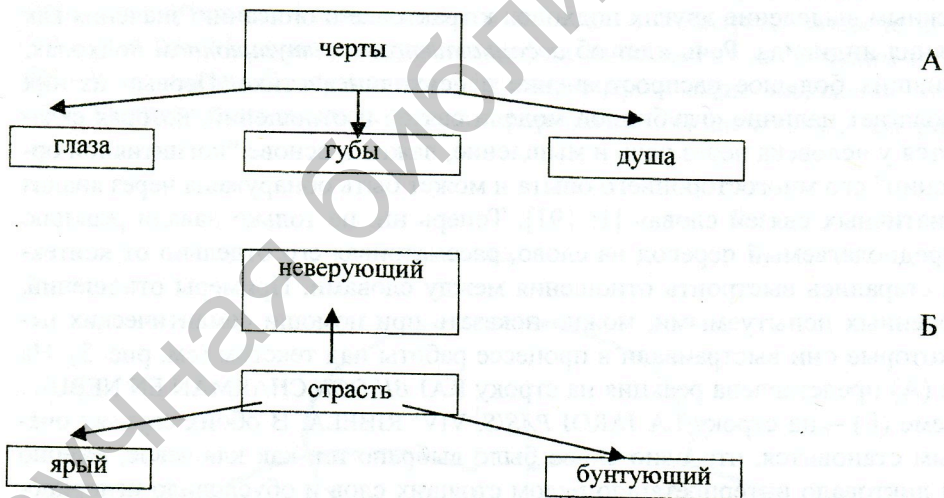

Рис. 4

Тесно связан с ассоциативным подходом ситуационный, которой тоже проявился в ответах ии., так как речь опять идет о «взаимосвязи между содержанием значения и его включенностью в некоторую структуру более высокого порядка» [1: 203]. Но принципиальное отличие заключается в том, что воспринимающий текст индивид выходит за рамки своего языкового знания и ориентируется в тексте за счет уже имеющегося у него знания о мире (энциклопедического знания), т.е. вносит в текст что-то свое, что обеспечивает выход на его индивидуальный образ мира. Именно поэтому так отличаются интерпретации

ии. второго четверостишия, которое не было воспроизведено ни одним из них при выполнении второго задания: они смотрели на текст через призму своего собственного мира (для кого-то LARMOJ DOLCHAJ – *любовь сладкая*, для кого-то – *предвестники весны*, а другие определили это сочетание как *тревожит больше, будоражит* без видимых на то «языковых» причин).

Все сказанное выше приводит к мысли о том, что при опознании слова индивид прибегает к различным схемам действия, начиная с попыток воспринять каждое слово изолированно от контекста, опираясь на его внутреннюю форму в поисках «подсказок», «ключей» для разгадки его значения, и заканчивая подключением контекста и энциклопедического знания.

Примечательно то, что эти стратегии подкрепляют друг друга: без определения хотя бы одного слова в тексте в ходе выполнения заданий эксперимента было бы невозможно установление ассоциативных связей и выход на индивидуальную картину мира, а без опоры на контекст или на энциклопедическое знание невозможно создать ситуацию, выстроить сюжет, т.е. отдельные слова не смогли бы привести к *смыслу*, к *пониманию смысла*, что является первостепенной задачей любого коммуникативного акта.

Первым шагом ии. всегда был анализ отдельно взятых слов, их внутренней формы, выводящий на похожие слова родного или одного из изучающихся языков. Опознанные слова выводят на следующий этап работы с текстом, так как они «намечают» сюжет стихотворения, и кажется вполне естественным, что эпитеты *ярый, бунтующий, неверующий* требуют такого существительного, как *страсть*, а *слезы, вдохновение, наслаждение* ассоциируются с *любовью*, т.е. подключается и энциклопедическое знание.

Итак, контекст, созданный самим же испытуемым, подсказывает ему значения остальных слов, в том числе и слов, не имеющих «прозрачной» внутренней формы (*епио*).

Важным в результатах эксперимента представляется переплетение многих стратегий и опор для опознанию незнакомого слова, несмотря на разную степень актуальности которых каждая из них немыслима без других и не может вывести на понимание предложенного текста как *единого целого*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.
2. Ривлина А.А. Теоретическая грамматика английского языка // <http://www.bgpu.ru/site/content/kafs/engphil/rivlina/grammar/lectures/lectures%20UNIT%202.htm> (6.01.10)
3. Сидельник Э.А. К вопросу о причинах возникновения ошибок в речи студентов // <http://pitis.tsure.ru/files33/12.pdf> (27. 01. 10)
4. Pushkin. Elektitaj verkoj // <http://miresperanto.narod.ru/tradukoj/pushkin.htm> (10.11.09)